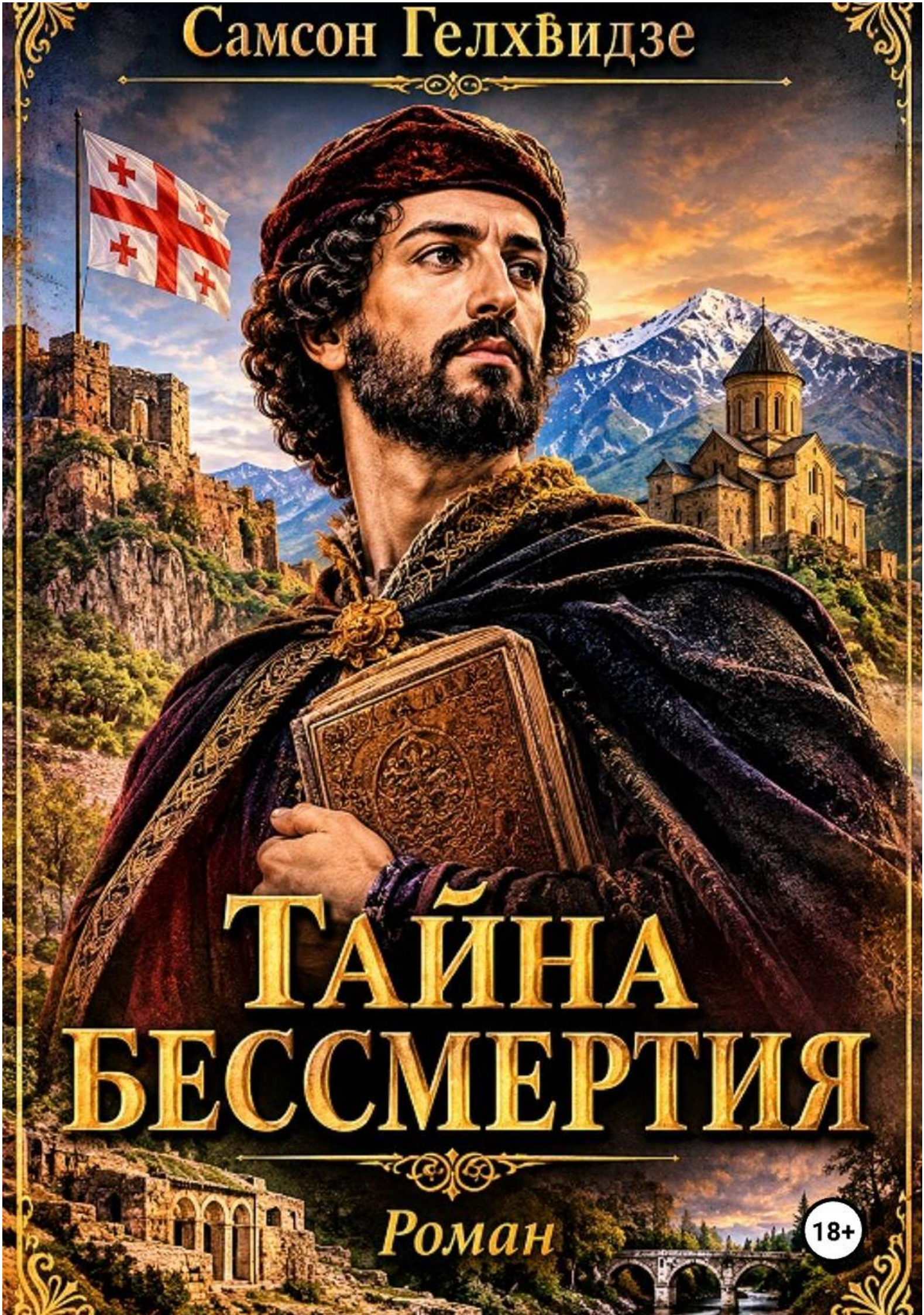
Самсон Гелхвидзе

Тайна бессмертия

Роман

18+

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

ТАЙНА БЕССМЕРТИЯ - (роман)

«Автор»
2026

ГЕЛХВИДЗЕ С.

ТАЙНА БЕССМЕРТИЯ - (роман) / С. ГЕЛХВИДЗЕ — «Автор», 2026

«ТАЙНА БЕССМЕРТИЯ» — масштабное историко-философское произведение, в котором автор обращается к одной из самых ярких эпох грузинской истории — времени правления царицы Тамары — и к загадочной судьбе великого поэта Шота Руставели.Главное достоинство романа заключается в стремлении увидеть за исторической фигурой живого человека: со своими сомнениями, чувствами, нравственными испытаниями и поиском смысла собственного предназначения. История здесь не ограничивается описанием событий и придворной жизни. Она становится пространством серьёзных размышлений о любви, верности, дружбе, власти, человеческом достоинстве и ответственности перед будущими поколениями.Особую роль играет художественное соединение исторической основы, народных преданий и авторского вымысла. Благодаря этому перед читателем возникает не сухая биографическая хроника, а цельное литературное повествование, наполненное атмосферой эпохи, философскими диалогами и внутренними конфликтами героев.

© ГЕЛХВИДЗЕ С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 7. Испытание юности 25
Конец ознакомительного фрагмента. 36

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
ТАЙНА БЕССМЕРТИЯ - (роман)

ТАЙНА БЕССМЕРТИЯ - (роман)
Историко-философский роман
Пролог.

Человек, которого не смогло забыть время

В Иерусалиме всегда было особенное молчание. Оно не походило на тишину обычного города, где ночь постепенно укладывает на покой улицы, гасит огни в окнах и заставляет замолчать голоса прохожих. Здесь даже безмолвие словно хранило память о тысячах человеческих судеб, о молитвах, произнесённых на разных языках, о слезах, пролитых у древних стен, и о надеждах, которые люди приносили сюда из самых дальних уголков земли.

Ветер поднимался над каменными крышами, проникал в узкие проходы между монастырскими постройками и касался старых стен, переживших смену царств, нашествия, пожары и забвение. Камень старел медленно, но неумолимо. На нём оставались следы времени: трещины, потемневшие пятна, осыпавшаяся штукатурка. Однако некоторые изображения, созданные рукой человека много столетий назад, продолжали смотреть на мир с такой выразительностью, словно художник только что закончил работу и ещё не успел отойти от своей росписи.

Однажды взгляд посетителя остановился на фрагменте старой фрески.

Лицо человека, изображённого на стене, было уже далеко не таким отчётливым, каким его задумал мастер. Время коснулось его красок, оставило на них свою печать, но не сумело окончательно уничтожить выражение глаз. В этом взгляде угадывалось нечто труднообъяснимое: спокойствие человека, многое пережившего, и одновременно внутренняя сосредоточенность того, кто ещё не завершил своего разговора с миром.

Кто он был? Почему его изображение оказалось здесь, вдали от родной земли? Что привело его в этот монастырь? Был ли он человеком молитвы, странником, приближённым царского двора или поэтом, чьё имя уже при жизни стало известным далеко за пределами его страны?

Ответы терялись в глубине веков.

Возможно, когда-то он сам стоял в этих стенах, прислушивался к вечерним колоколам, смотрел на далёкие огни города и думал о том, что человеческая жизнь слишком коротка для всего, что способно вместить человеческая душа. Возможно, он пришёл сюда в поисках покоя. А может быть, надеялся найти то, чего не смог обрести среди людей: понимание, прощение или освобождение от тяжести собственных воспоминаний.

Мы не знаем этого наверняка. История не сохранила для нас достаточно свидетельств, чтобы восстановить все подробности его последних лет. Но именно поэтому его судьба продолжает притягивать воображение. За несколькими документальными следами, за преданиями и догадками возникает образ человека, чья настоящая жизнь оказалась гораздо шире того, что удалось записать современникам.

А ведь когда-то он был совсем не легендой.

Он родился в мире, где люди любили, ревновали, надеялись и боялись, где от одного решения правителя зависела судьба целой страны, где за право говорить правду порой приходилось расплачиваться положением, свободой, а иногда и жизнью. Он видел величие и слабость сильных мира сего, слышал звон оружия и церковных колоколов, наблюдал, как человеческая гордость сталкивается с человеческим достоинством. Он знал цену дружбе и преданности, понимал, насколько непросто сохранить чистоту сердца там, где власть и богатство способны изменить даже самых достойных людей.

Он не мог знать, что однажды его собственная судьба станет предметом многовековых споров. Не мог предвидеть, что исследователи будут искать следы его земной жизни, что учёные станут сопоставлять рукописи, летописи и церковные предания, пытаясь установить обстоятельства его рождения, странствий и смерти. И уж тем более не мог представить, что созданный им мир переживёт государства и правителей, станет частью духовной памяти народа и будет открываться новым поколениям читателей, словно в нём заключена тайна, которую невозможно исчерпать одним прочтением.

Но в этом и заключается странность человеческой судьбы.

Одни люди при жизни окружены славой, однако после смерти их имена постепенно растворяются в прошлом. Другие уходят почти незаметно, оставив после себя лишь несколько строк в старой книге или едва различимый след на камне. И только немногие получают удивительную возможность продолжить свою жизнь в сознании тех, кто родится спустя столетия.

Что делает человека бессмертным?

Власть? Нет. Царства исчезают, границы меняются, дворцы превращаются в руины. Богатство? Оно остаётся наследникам, но не способно купить память потомков. Военная победа? Даже самые великие полководцы однажды уступают место другим именам. Красота? Она прекрасна, пока существует, но время не щадит ни лица, ни тела.

Может быть, бессмертие начинается там, где человек создаёт нечто большее, чем он сам. Где его мысль становится достоянием других, где его слово помогает незнакомым людям понять собственные чувства, где придуманные им герои оказываются ближе читателю, чем многие знакомые современники.

Возможно, именно в этом заключена тайна.

Но прежде чем она раскроется, нам предстоит вернуться назад, в далёкий XII век, когда на юге Кавказа поднималась новая сила, когда Грузия переживала время своего политического и культурного расцвета, а судьба страны всё теснее переплеталась с судьбой женщины, которой предстояло стать одной из самых выдающихся правительниц средневекового мира.

Там, среди горных дорог, монастырских обителей, царских дворцов и шумных городских площадей, начиналась история человека, которому ещё предстояло найти своё главное слово.

Он не знал, что его произведение переживёт его самого.

Не знал, что однажды люди станут искать его могилу, спорить о его происхождении, пытаться восстановить его путь и задаваться вопросом, каким он был на самом деле.

Он просто жил. Смотрел на окружающий мир, прислушивался к голосам людей, страдал, любил, размышлял и искал ответы на вопросы, которые не давали покоя ни одному поколению человечества.

И, быть может, именно поэтому время так и не смогло его забыть. Его имя ещё не прозвучало, но его история уже началась.

ЧАСТЬ I. ЗЕМЛЯ, НА КОТОРОЙ РОЖДАЮТСЯ ЛЕГЕНДЫ

Глава 1. Грузия на пороге великой эпохи

Утро в Тбилиси начиналось не с колокольного звона и не с крика торговцев. Оно начиналось с движения. Едва первые солнечные лучи касались крепостных стен, город словно пробуждался сразу во множестве своих жизней: где-то открывали тяжёлые деревянные ворота, где-то над очагами поднимался дым, на узких улицах уже слышались шаги ослов и лошадей, а из лавок доносились голоса людей, которым предстояло прожить ещё один день в бесконечной борьбе за достаток, положение и благополучие своих семей.

Тбилиси не был городом, который можно было понять с первого взгляда. В нём соседствовали богатство и нужда, учёность и невежество, благочестие и хитрость. Здесь можно было встретить грузинского воина, армянского ремесленника, персидского торговца, мусуль-

манского лекаря, греческого мастера и монаха, пришедшего из далёкой обители. Каждый говорил на своём языке, молился по-своему, хранил собственные обычаи, но все они знали цену этому городу, стоявшему на пересечении дорог, по которым двигались не только товары, но и вести, знания, слухи и человеческие судьбы.

В тот день на площади возле торговых рядов остановился караван. Лошади устало переступали ногами, погонщики перекликались, разгружая тюки с тканями и ящиками с товарами. Купцы, приехавшие из южных земель, спорили о цене, а местные торговцы внимательно осматривали привезённое, стараясь не показать своего интереса раньше времени.

— Ты опять привёз меньше, чем обещал, — сердито сказал пожилой грузинский купец, ощупывая свёрток дорогой ткани.

— Я привёз столько, сколько позволила дорога, — ответил его собеседник, смуглый мужчина с аккуратно подстриженной бородой. — Если бы ты сам проехал через перевалы, то понял бы, почему некоторые тюки остались в другом караване.

— Купец всегда найдёт объяснение, когда хочет продать дороже.

— А покупатель всегда найдёт недостаток, когда хочет заплатить дешевле.

Оба рассмеялись. Они знали друг друга не первый год и понимали, что сегодняшний спор закончится чашей вина в ближайшем дворе.

Неподалёку от торговых рядов стоял молодой человек в простой одежде. Он не принимал участия в переговорах, не разглядывал товары и, казалось, вообще не замечал окружающей суеты. Его внимание привлекал разговор двух незнакомцев, которые остановились у стены и говорили о событиях при царском дворе.

— Ты слышал последние вести? — спросил один.

— В этом городе невозможно не слышать последних вестей, — усмехнулся второй. — Другое дело, стоит ли верить тому, что говорят на каждом углу.

— Говорят, что царь всё чаще доверяет дела тем, кто способен не только владеть мечом, но и держать слово.

— Разумный правитель должен окружать себя разумными людьми.

— А разве их много?

Собеседник пожал плечами.

— Если бы их было много, мир давно стал бы лучше.

Молодой человек улыбнулся, но ничего не сказал.

В последние годы государство всё увереннее ощущало собственную силу. Память о царе Давиде, прозванном Строителем, оставалась живой не только в летописях и церковных песнопениях. Его деяния ощущались в укреплённых городах, в восстановленных монастырях, в порядке, который стремились поддерживать на дорогах и в областях страны. После него правили другие государи, и каждый должен был доказывать, что достоин наследия, оставленного великим предшественником.

Теперь на престоле находился Георгий III. Его царствование не было спокойным и безоблачным. Власть требовала не только мудрости, но и решительности, а порой и суровости, которую не всегда могли простить даже самые близкие люди. Царь знал цену неповиновению, знал, что за внешним согласием феодальных домов нередко скрываются старые обиды и новые притязания. Он понимал, что сильное государство нельзя удержать одной лишь славой предков.

Однако в народе говорили не только о войнах и дворцовых делах. Люди замечали, что страна меняется. В городах строили, в монастырях переписывали книги, мастера создавали украшения, оружейники совершенствовали своё ремесло. Купцы всё чаще отправлялись в дальние поездки, а из чужих стран привозили не только товары, но и рассказы о других народах, их верованиях и обычаях.

Вечером молодой человек оказался в небольшом дворе, принадлежавшем старому переписчику книг. Хозяин был человеком необычным. Он мог часами говорить о рукописях, но

при этом прекрасно разбирался в цене вина, знал толк в хорошей обуви и не терпел, когда кто-нибудь касался его письменных принадлежностей без разрешения.

— Ты опять слушал разговоры на площади? — спросил старик, заметив вошедшего.

— Слушал.

— И что же ты узнал?

— Что люди любят рассуждать о царях, хотя почти никто из них не знает, что происходит за дворцовыми стенами.

Старик усмехнулся.

— А ты хотел бы знать?

— Разве не должен человек знать, в какой стране он живёт?

— Должен. Но есть разница между знанием и любопытством. Любопытный хочет заглянуть в чужую дверь. Знающий старается понять, почему эта дверь вообще существует.

Молодой человек присел возле стола. На нём лежала раскрытая рукопись, рядом стояли чернильница и несколько тонких ножей для заточки тростниковых перьев.

— Скажи, учитель, почему одни люди всю жизнь стремятся к власти, а другие готовы отказаться от неё ради одной мысли?

Старик поднял глаза.

— Ты задаёшь вопросы, на которые не всегда хватает целой жизни.

— Значит, не следует их задавать?

— Напротив. Но не торопись считать себя мудрым только потому, что научился спрашивать.

Он перевернул страницу рукописи и провёл пальцем по строкам.

— Посмотри. Сколько труда нужно, чтобы переписать одну книгу. Нужно знать буквы, понимать смысл, не ошибаться, беречь пергамент, следить за чернилами. Но если человек не понимает того, что переписывает, получится лишь множество красивых знаков.

— А если понимает?

— Тогда он становится не просто переписчиком. Он становится хранителем чужой мысли.

— Но разве хранить мысль — не то же самое, что создавать её?

Старик долго смотрел на молодого собеседника.

— Нет. И да. Иногда человек создаёт нечто такое, чего сам до конца не понимает. А другой спустя сто лет открывает эту книгу и находит в ней ответ на вопрос, который никто ещё не успел задать.

За стеной послышались голоса. Кто-то смеялся, кто-то спорил о цене муки. В соседнем доме заплакал ребёнок. Обычная жизнь продолжалась, не обращая внимания на разговор двух людей, которые пытались проникнуть в тайну человеческого предназначения.

— А что останется от человека, когда он умрёт? — спросил молодой человек.

— То, что он успел сделать.

— А если он ничего не успел?

— Тогда останется то, что он успел изменить в других.

Старик закрыл рукопись.

— Запомни: не каждый, кто живёт во времена великих событий, становится великим. И не каждый великий человек понимает при жизни, что именно ему суждено оставить после себя.

Молодой человек поднялся. На улице уже сгущались сумерки, и над городом медленно зажигались первые звёзды.

Он вышел за ворота и остановился, прислушиваясь к шуму вечернего Тбилиси. Где-то далеко звучала музыка. Ветер приносил запах хлеба, дыма и винограда. Над крышами поднималась темнота, но город не засыпал.

В эту пору Грузия ещё не знала, насколько близко подошла к одному из самых удивительных периодов своей истории. Ей предстояло пережить перемены, которые затронут не только судьбу царского дома, но и саму жизнь страны. Впереди были победы и испытания, торжество и тревога, человеческие страсти и решения, последствия которых станут понятны лишь следующим поколениям.

И где-то среди этих дорог, городов и монастырей уже существовал человек, которому однажды предстояло выразить дух своей эпохи так, как не смог бы выразить ни один летописец.

Но пока никто не знал его имени.

Глава 2. Под небом древнего Рустави

Дорога к Рустави шла через местность, где сама земля словно помнила гораздо больше, чем могли рассказать люди. Здесь не было высоких гор, заслонявших горизонт, как в некоторых других краях Грузии. Пространство открывалось широко, и ветер свободно гулял над равниной, касаясь травы, колыхавшейся у берегов Куры. Солнце поднималось над полями, освещая старые дороги, по которым веками двигались всадники, торговцы, крестьяне и люди, спешившие по делам, известным только им самим.

Рустави был одним из тех древних городов, чья история не начиналась с первого сохранившегося письменного упоминания. Его прошлое уходило глубже, в эпохи, когда менялись племена и правители, когда возникали и исчезали укрепления, когда люди учились использовать воду реки для орошения полей и защиты своих поселений. К XII веку город уже имел за плечами долгую и непростую жизнь. Его крепость, улицы, хозяйственные постройки и окрестные земли были частью истории восточной Грузии.

На окраине города стоял дом, в котором жили несколько поколений одной семьи. Он не отличался богатством, но был крепким и просторным. Внутренний двор окружали хозяйственные помещения, а возле стены росло старое дерево, под которым в летние дни собирались соседи. В доме хранили несколько рукописей, хотя хозяева не считались учёными. Их предок служил при церковной обители и оставил потомкам книги, которые семья берегла почти так же тщательно, как семейные реликвии.

В тот день во двор вошёл пожилой человек, которого здесь знали все. Его звали Гиви. Когда-то он служил при городской крепости, потом занимался торговыми делами, а в последние годы больше рассказывал истории, чем работал. Он обладал редким даром: мог превратить обычное воспоминание в увлекательное повествование, а простую прогулку по городу — в путешествие сквозь столетия.

— Опять ты пришёл с пустыми руками? — спросила хозяйка дома, женщина лет пятидесяти, вытирая руки о полотенце.

— Как это с пустыми? — возмутился Гиви. — Я принёс самое дорогое, что у меня есть.

— И что же?

— Собственную голову. А в ней, между прочим, немало полезного.

— Тогда садись. Может быть, сегодня она наконец пригодится.

Гиви рассмеялся и опустился на скамью под деревом.

— Где мальчики? — спросил он.

— Во дворе, спорят из-за деревянного меча.

— Значит, самое время рассказать им о настоящих мечах.

Через несколько минут дети действительно появились рядом. Старший, Арчил, был худощавым и подвижным. Он постоянно куда-то торопился, задавал вопросы и редко дожидался ответа. Младший, Давид, напротив, предпочитал сначала слушать, а потом говорить. Он мог долго рассматривать одну вещь, словно пытался понять, что скрывается за её внешним видом.

— Дедушка Гиви, — начал Арчил, — правда, что Рустави когда-то был большим городом?

— Правда. И не просто большим. Он был важным городом, здесь жили ремесленники, торговцы, служители церкви, представители знати. По улицам двигались товары, а за городскими стенами находились земли, которые кормили людей.

— А кто его построил?

— Если спросить летописца, он расскажет тебе одну историю. Если археолога — другую. Если старика, который любит предания, — третью.

— А какая из них правильная?

— Иногда правильной оказывается та, в которой меньше всего красивых слов и больше всего доказательств.

Давид поднял голову.

— Значит, преданиям нельзя верить?

— Не торопись, мальчик. Предание не всегда рассказывает нам, что именно произошло. Но оно может рассказать, что люди помнили, чего боялись, чем гордились и что хотели передать своим детям.

Гиви посмотрел на старые стены, видневшиеся за крышами домов.

— Вот, например, этот город. Он видел царей, которые считали себя хозяевами мира. Видел воинов, возвращавшихся с победой, и тех, кто не вернулся вовсе. Он слышал молитвы в церквах, голоса торговцев на рынках, плач матерей и песни молодых людей. Разве всё это можно вместить в одну летопись?

— А почему город называется Рустави? — спросил Арчил.

— С этим названием связывают разные объяснения. Одно из них относится к воде и древним каналам. Здесь река всегда имела особое значение. Без воды не было бы ни полей, ни садов, ни многих ремёсел. Люди понимали это задолго до того, как научились записывать свои знания в книгах.

— Значит, вода сделала город богатым?

— Вода помогла ему жить. А богатство создавали руки людей.

В разговор вмешался хозяин дома, вернувшийся со двора.

— Гиви, ты рассказываешь детям о прошлом, но забываешь о настоящем. У нас сегодня приехал мастер из Тбилиси. Говорит, что ищет человека, который умеет читать старые надписи.

— И что ему нужно?

— Он хочет посмотреть каменные плиты возле старой церкви. Увидел на одной из них знаки и решил, что там может быть важная запись.

Гиви оживился.

— Вот это уже интереснее. Может быть, и мне стоит взглянуть.

— Только не начинай снова спорить с людьми о том, что было тысячу лет назад.

— А о чём ещё спорить, если настоящее и без нас прекрасно справляется со своими неприятностями?

Все засмеялись.

Позже Гиви отправился к старой церкви. Его сопровождали оба мальчика. Дорога проходила мимо домов, мастерских и небольших торговых помещений. В кузнице работал молотобоец, и каждый его удар отдавался в воздухе коротким металлическим звоном. Рядом женщина продавала лепёшки, а двое мужчин спорили о цене овцы. За поворотом показалась крепостная стена, сложенная из камня, потемневшего от времени.

У церкви их ждал незнакомец в дорожном плаще. Он оказался не тбилисским мастером, как предполагал хозяин дома, а человеком, который сопровождал небольшую группу путешественников. Его звали Мириан. Он хорошо знал грузинский язык, но в разговоре иногда употреблял слова, пришедшие из других стран.

— Вы Гиви? — спросил он.

— Смотря кто спрашивает.

— Мне сказали, что вы знаете историю города.

— Я знаю несколько историй. Но не уверен, что все они понравятся вам.

— Мне нужна не красивая история. Мне нужно понять надпись.

Он показал на каменную плиту, лежавшую возле стены. На её поверхности действительно виднелись следы резьбы, но часть букв была повреждена.

Гиви присел, провёл ладонью по камню и нахмурился.

— Это не та надпись, которую можно прочесть с одного взгляда.

— Я и не прошу вас читать её сразу.

— Тогда зачем привели меня сюда?

— Потому что человек, который умеет слушать старые камни, иногда замечает больше, чем тот, кто знает все буквы.

Гиви поднял глаза.

— Хорошо сказано. Только не всякий камень хочет разговаривать.

— А всякий человек хочет?

Старик улыбнулся.

— Вот теперь я начинаю понимать, почему вы путешествуете.

Они долго рассматривали плиту. Мириан объяснял, какие знаки ему удалось различить, Гиви вспоминал похожие надписи, которые видел в других местах. Мальчики слушали, хотя многое оставалось для них непонятным. Арчил время от времени задавал вопросы, а Давид молча следил за движением пальцев по камню.

Когда солнце стало клониться к закату, Мириан поднялся.

— Я должен продолжить путь завтра. Но прежде хочу ещё раз осмотреть город.

— Посмотрите, — ответил Гиви. — Только не думайте, что древность обязательно скрывается там, где всё разрушено. Иногда она живёт в доме, где каждый день пекут хлеб, в руках мастера, который делает глиняный сосуд, или в словах матери, рассказывающей ребёнку историю своего народа.

— Вы считаете, что память города хранится в людях?

— А где же ей ещё храниться? Камень может пережить человека, но сам по себе он ничего не расскажет. Нужен тот, кто сумеет его понять.

Мириан задумался.

— Тогда, возможно, я приехал сюда не только за надписью.

Вечером Гиви вернулся во двор вместе с мальчиками. За ужином он рассказал о разговоре, а потом попросил принести старую книгу, хранившуюся в доме. Хозяйка достала её из деревянного сундука и осторожно положила на стол.

— Неужели ты собираешься читать нам её сегодня? — спросил Арчил.

— А почему нет?

— Там же всё написано старинными словами.

— Значит, придётся немного потрудиться.

— Я лучше послушаю сказку.

— Сказки тоже требуют труда. Особенно от того, кто хочет отличить правду от вымысла.

Гиви раскрыл книгу. На пожелтевших страницах теснились строки, написанные рукой человека, давно покинувшего этот мир.

— Послушайте, — сказал он. — Здесь говорится о людях, которые жили до нас. Мы не знаем их лиц, не слышали их голосов, не можем спросить, о чём они думали перед смертью. Но они оставили нам слова. И пока мы читаем их, они словно продолжают говорить.

— А если никто не будет читать? — спросил Давид.

Старик посмотрел на мальчика.

— Тогда однажды их голоса умолкнут.

— Навсегда?

— Не знаю. Может быть, кто-нибудь найдёт эту книгу через сто лет. А может быть, она исчезнет раньше. Поэтому люди и должны беречь то, что им досталось.

За окном медленно темнело. Над Рустави поднималось звёздное небо, и город постепенно погружался в ночной покой. Вдалеке лаяли собаки, скрипела телега, возвращавшаяся с полей, и доносился негромкий разговор соседей.

Город жил своей обычной жизнью. Никто не думал о том, что его древние стены когда-нибудь станут предметом археологических исследований, что учёные будут искать в его прошлом следы забытых династий и что само название Рустави окажется связанным с одним из самых загадочных имён грузинской литературы.

Но история уже оставляла здесь свои следы.

В камне, в книгах, в дорогах, в человеческой памяти.

И пока никто не знал, кому из живущих здесь или проходящих через эти места суждено будет однажды превратить эту память в бессмертное слово.

Глава 3. Мальчик с необыкновенным взглядом

Утро выдалось ясным. Над землёй ещё держалась прохлада, но солнце уже поднималось достаточно высоко, чтобы золотить крыши домов и высвечивать пыль на дороге. За околицей слышались голоса пастухов, звенели колокольчики на шеях животных, а возле одного из домов женщина развешивала после стирки полотняные рубахи.

Мальчик сидел на низкой каменной ограде и смотрел, как по дороге медленно движется повозка. На ней лежали мешки, несколько глиняных сосудов и длинный свёрток, обвязанный верёвкой. Возница время от времени покрикивал на лошадь, но животное, казалось, не слишком торопилось исполнять его распоряжения.

— Ты опять смотришь на дорогу? — спросил подошедший мужчина.

Мальчик обернулся.

— Я смотрю не на дорогу.

— А на что же?

— На то, что по ней приезжает и уезжает.

Мужчина улыбнулся.

— Хорошо сказано. Но разве это не одно и то же?

— Нет. Дорога остаётся. А люди исчезают.

Мужчина некоторое время молчал, разглядывая мальчика. В его словах не было детской важности, скорее — простое удивление перед устройством мира. Мальчик ещё не умел объяснять всё, что замечал, но уже чувствовал, что за привычными вещами скрывается нечто большее.

— И куда они исчезают? — спросил мужчина.

— Одни возвращаются домой. Другие едут дальше. А некоторых больше никто не видит.

— Такова жизнь. Не каждому человеку суждено пройти одну и ту же дорогу.

— А если человек хочет вернуться, но не может?

— Тогда он должен найти дорогу в памяти.

Мальчик опустил глаза. Ответ ему понравился, но он не был уверен, что понял его полностью.

Вскоре из дома позвали завтракать. За столом уже сидели взрослые. Разговор шёл о предстоящей поездке, о цене зерна и о человеке, который обещал привезти из города новую книгу. Мальчик слушал, не вмешиваясь, пока один из присутствующих не заметил его задумчивость.

— Что ты притих? — спросил он. — Неужели наши разговоры тебе наскучили?

— Нет. Я пытаюсь понять, почему взрослые так часто говорят о деньгах и так редко — о том, что они думают.

— Потому что без денег трудно прокормить семью, — ответил мужчина.

— А если у человека есть деньги, но ему нечего сказать?

За столом послышался смех.

— Тогда он может купить себе слушателей, — заметил кто-то.

— Но разве это значит, что его будут слушать по-настоящему?

Смех постепенно стих. Вопрос оказался неожиданно серьёзным.

— Ты слишком много думаешь, — произнесла женщина, поставив перед мальчиком кусок хлеба. — Поешь лучше, пока не остыло.

— А разве думать вредно?

— Нет, дитя. Но человеку нужно не только думать. Ему ещё жить надо.

Эти слова мальчик запомнил. Не потому, что они были особенно мудрыми, а потому, что в них заключалось то противоречие, с которым ему, возможно, предстояло встретиться ещё не раз: мысль стремится за пределы обыденного, а жизнь постоянно возвращает человека к самым простым обязанностям.

После завтрака он отправился к старому переписчику, который жил неподалёку. Тот согласился показать ему несколько страниц рукописи. Мальчик давно хотел понять, каким образом слова превращаются в ровные строки, почему одни буквы соединяются с другими и как человек может сохранить чужую речь, если самого говорившего уже давно нет в живых.

Старик разложил перед ним пергамент.

— Видишь эти строки?

— Вижу.

— Они написаны рукой человека, которого я никогда не встречал. Я не знаю, как он выглядел, каким голосом говорил и о чём думал, когда выводил эти буквы.

— Но вы знаете его слова.

— Знаю. И это уже немало.

Мальчик осторожно коснулся края страницы.

— А если он ошибся?

— Тогда ошибка тоже останется. Поэтому переписчик обязан быть внимательным.

— А если он написал неправду?

Старик поднял голову.

— Вот тут начинается трудность. Буквы можно переписать точно, но не всегда можно проверить мысль. Для этого нужно знать больше, чем написано на странице.

— Значит, книга не всегда говорит правду?

— Книга передаёт то, что человек пожелал оставить. А читатель должен научиться задавать вопросы.

Мальчик задумался.

— Тогда, может быть, самое важное в книге — не только то, что в ней написано, но и то, о чём она заставляет думать?

Старик отложил перо.

— Ты сегодня опасен для моего спокойствия. С такими вопросами скоро придётся открыть все мои сундуки.

— Я ничего не трону.

— Вот именно этого я и опасаюсь. Ты будешь смотреть, спрашивать, а потом заставишь меня самому искать ответы.

Оба рассмеялись.

Старик показал ему несколько строк, прочитал их вслух и объяснил, почему переписчик изменил порядок отдельных слов. Мальчик слушал внимательно. Иногда он просил повторить фразу, иногда пытался произнести её сам. Но больше всего его занимал не внешний рисунок

букв, а то, как человеческая мысль сохраняла свою силу, переходя от одного человека к другому.

Когда занятие закончилось, старик спросил:

— А ты сам хотел бы научиться так писать?

— Хотел бы.

— Для чего?

Мальчик не ответил сразу.

— Чтобы то, что человек чувствует, не исчезало вместе с ним.

Старик посмотрел на него уже без улыбки.

— Это хорошее желание. Только помни: написать можно многое, а сказать по-настоящему важное — гораздо труднее.

Вечером мальчик долго не мог уснуть. За стеной разговаривали взрослые, во дворе скрипнула дверь, где-то вдалеке послышался лай собаки. Он думал о дороге, о книге и о людях, которые уходят, оставляя после себя лишь воспоминания.

Ему казалось несправедливым, что человеческая жизнь так коротка. Почему человек должен исчезнуть, если его мысли ещё могут быть нужны другим? Почему любовь, дружба и верность не способны остановить время? И почему одни слова забываются уже на следующий день, а другие остаются в памяти поколений?

Ответов не было.

Но иногда именно вопрос, оставшийся без ответа, становится началом долгого пути.

Так могло начинаться внутреннее путешествие человека, которому предстояло однажды обратиться к миру с собственным словом. Мы не знаем, какие именно мысли посещали его в детстве, и не располагаем достоверными свидетельствами о подобных разговорах. Но мы знаем другое: произведение, которое позднее будет связано с его именем, потребует не только мастерства стихосложения, но и глубокого понимания человеческой души.

И потому в нашем повествовании мальчик пока остаётся просто мальчиком. Он ещё не знает своего предназначения, не слышит будущей славы и не подозревает, что однажды его имя станет предметом поисков и споров.

Он только учится смотреть на мир. А это, пожалуй, первое и самое важное занятие будущего художника.

Глава 4. Дом, в котором ценили слово

В доме, где люди привыкли разговаривать друг с другом, никогда не бывает полной тишины. Даже когда никто не произносит ни слова, жизнь продолжает звучать: потрескивают дрова в очаге, стучит посуда, скрипит деревянная дверь, за стеной кто-нибудь негромко напевает старую песню. А если в доме живут люди разных поколений, то вместе с повседневными заботами здесь постоянно встречаются разные представления о мире.

Старшие помнят то, чего не знают младшие. Молодые задают вопросы, которые кажутся старикам ненужными. Дети иногда замечают то, мимо чего взрослые проходят, не задерживая взгляда. И если в таком доме умеют слушать друг друга, он становится первой школой человеческой мудрости.

Вечером семья собралась за столом. За окном уже стемнело, и в комнате горел светильник. На столе стояли хлеб, сыр, зелень и кувшин с вином. Взрослые обсуждали новости, пришедшие из столицы. Говорили о царском дворе, о переменах в окружении правителя и о том, что в стране всё заметнее становится вопрос наследования престола.

— Люди слишком рано начинают делить то, что ещё принадлежит одному человеку, — произнёс старший из мужчин.

— Но разве правитель не должен думать о будущем государства? — возразил другой.

— Должен. Только будущее государства не всегда совпадает с будущим его семьи.

— Ты говоришь так, будто одно обязательно противоречит другому.

— Я говорю так, потому что видел, как семейные споры превращались в беду для целой страны.

Мальчик, сидевший неподалёку, поднял голову.

— А почему люди не могут договориться?

Мужчины переглянулись.

— Потому что каждый считает свою правду самой важной, — ответил один.

— Но если каждый прав, кто тогда виноват?

На этот раз рассмеялись не все.

— Иногда, — сказал старший, — виноваты бывают все понемногу. А иногда человек знает, что неправ, но не хочет уступить.

— Почему?

— Из гордости. Из страха потерять своё положение. Из желания, чтобы последнее слово всегда оставалось за ним.

Мальчик посмотрел на говорившего.

— А если последнее слово будет хорошим, разве не всё равно, кто его сказал?

Мужчина медленно покачал головой.

— Для разумного человека, возможно, всё равно. Но не каждый человек способен поставить правду выше собственного самолюбия.

Женщина, сидевшая у очага, вмешалась в разговор:

— Вы опять учите ребёнка тому, что взрослые сами не умеют выполнять. Лучше расскажите ему, почему вы вчера поссорились из-за соседского сада.

— Мы не ссорились, — поспешно возразил один из мужчин.

— Конечно. Просто весь двор слышал, как вы выясняли, кому принадлежит яблоня.

За столом раздался смех. Даже мальчик улыбнулся.

— А кому она принадлежит? — спросил он.

— Вот видишь, — сказала женщина, — теперь у нас новый судья.

— Я не судья. Я просто хочу знать.

— Тогда запомни: прежде чем судить, нужно выслушать обе стороны.

Старший мужчина одобрительно кивнул.

— Хорошее правило. Только есть ещё одно: выслушать человека — не значит согласиться с ним.

Мальчик задумался.

— Значит, можно уважать человека и считать, что он неправ?

— Не только можно. Иногда это единственный способ сохранить уважение.

Эти разговоры не были уроками в привычном смысле. Никто не усаживал мальчика перед собой и не требовал запоминать правила. Взрослые просто жили, спорили, мирились, рассказывали о прошлом, и ребёнок постепенно учился замечать, как слова меняют отношения между людьми.

На следующий день в дом зашёл странствующий монах. Он пришёл попросить немного еды и отдохнуть перед дальней дорогой. Его одежда была запылена, а на лице виднелась усталость человека, который несколько дней провёл в пути.

Хозяйка пригласила его к столу.

— Откуда держите путь, отец?

— Из обители, что стоит за рекой. Мне предстоит добраться до другого монастыря, где ожидают рукопись.

— Опасная дорога?

— Не всегда. Но дорога становится опасной, когда человек перестаёт смотреть по сторонам.

Мальчик внимательно посмотрел на гостя.

— А что вы несёте в этой сумке?

— Книгу.

— Важную?

— Для того, кому она предназначена, — очень важную.

— А что в ней написано?

Монах улыбнулся.

— То, что один человек хотел сохранить для другого.

— А вы сами читали её?

— Читал.

— И вам понравилось?

— Не всё, что написано в книге, должно нравиться читателю. Иногда книга должна заставить его задуматься или даже рассердиться.

— Разве можно рассердиться на книгу?

— Конечно. Особенно если она говорит человеку правду, которую он не желает слышать.

Мальчик посмотрел на сумку.

— А если книгу потерять?

Монах на мгновение задумался.

— Тогда, возможно, потеряется и часть чужой жизни.

— Но ведь её можно переписать.

— Если найдётся тот, кто помнит, что именно нужно переписать.

Монах произнёс эти слова просто, без намерения произвести впечатление. Однако мальчик запомнил их. В них было что-то тревожное: человеческая память казалась ему надёжной, пока он не задумался о том, как легко она может исчезнуть.

После еды гость попросил показать ему старую рукопись, хранившуюся в доме. Хозяин достал её из сундука. Монах бережно перелистал несколько страниц, задержался на одной из них и произнёс:

— Хорошая работа. Видно, что переписчик был терпеливым человеком.

— А можно узнать, кто он? — спросил мальчик.

— Иногда можно. Иногда нет.

— Почему люди не подписывают свои книги?

— Некоторые подписывают. Другие считают, что важнее сохранить слово, чем оставить собственное имя.

— Но если никто не узнает, кто написал книгу, разве это справедливо?

Монах посмотрел на мальчика с доброй улыбкой.

— Справедливость и слава не всегда идут одной дорогой. Человек может сделать доброе дело и остаться неизвестным. А может прославиться за то, чего не совершал.

— Тогда как узнать правду?

— Искать. Сравнивать свидетельства. Не доверять каждому рассказу только потому, что он красив. И не отвергать его только потому, что он кажется невероятным.

Хозяин дома внимательно слушал монаха.

— Ты говоришь так, будто всю жизнь занимаешься поисками.

— А разве не так живёт каждый человек? Один ищет хлеб, другой — покой, третий — знания. Но все мы в конце концов ищем смысл того, что с нами происходит.

Мальчик подошёл ближе к столу.

— А вы нашли его?

Монах не сразу ответил.

— Иногда мне кажется, что нашёл. Потом происходит что-нибудь, и я понимаю, что должен искать дальше.

— Значит, человек никогда не должен останавливаться?

— Если он остановился в поиске истины, ему стоит хотя бы спросить себя, почему.

Вечером монах отправился дальше. Перед уходом он благословил хозяев дома и ещё раз посмотрел на мальчика.

— Береги свою любознательность, — сказал он. — Только не позволяй ей превращаться в гордость. Знать много — ещё не значит понимать людей.

— Я постараюсь.

— И учись слушать. Человек, который умеет только говорить, однажды останется наедине с собственным голосом.

Когда гость ушёл, мальчик ещё долго стоял у ворот. Он смотрел вслед удалявшейся фигуре, пока та не скрылась за поворотом.

— О чём задумался? — спросила женщина, подошедшая к нему.

— Я думаю, сколько людей проходит по этой дороге.

— Очень много.

— И каждый несёт что-то своё?

— Конечно.

— А если они никогда не встретятся, как узнают друг о друге?

Женщина поправила ему волосы.

— Иногда встречаются их дети. Иногда их книги. Иногда рассказы, которые один человек передал другому.

— Значит, слово может пройти дальше человека?

— Может, если в нём есть жизнь.

Мальчик посмотрел на неё, словно хотел задать ещё один вопрос, но промолчал.

Возможно, именно в таких обычных разговорах и формируется то, что позднее называют характером. Не в торжественных наставлениях и не в заранее приготовленных мудрых изречениях, а в повседневном столкновении взглядов, в умении признать ошибку, в уважении к чужому труду и в привычке не произносить слова, за которые потом придётся стыдиться.

Мы не располагаем достоверными сведениями о том, каким был настоящий дом будущего поэта, кто сидел с ним за семейным столом и какие разговоры он слышал в детстве. Поэтому описанный здесь дом — художественный образ, собирательная картина той среды, в которой могли воспитываться уважение к слову, интерес к книге и способность вслушиваться в человеческую душу.

Но есть нечто, что не требует доказательства применительно к конкретному дому: великое произведение не возникает из пустоты. За ним стоят язык народа, память поколений, услышанные песни, прочитанные книги, споры и примирения, любовь и утраты, всё то, что человек впитывает задолго до того, как впервые решается назвать себя творцом.

И однажды, когда придёт время, всё услышанное и пережитое может соединиться в слове, которое окажется сильнее забвения.

Глава 5. Первые встречи с большим миром

Человек впервые понимает, насколько велик мир, не тогда, когда ему рассказывают о далёких странах, а тогда, когда он сам покидает привычное место и оказывается среди людей, чьи мысли, обычаи и представления о жизни совершенно не похожи на его собственные.

До этого ему кажется, что всё устроено достаточно просто. Есть родной дом, знакомые лица, дороги, по которым ходят одни и те же люди, и события, о которых говорят изо дня в день. Даже если кто-то рассказывает о далёких городах, всё это остаётся частью чужой жизни, почти сказкой, которую приятно слушать долгими вечерами. Но стоит однажды оказаться за пределами знакомого круга, как привычные представления начинают меняться.

В тот год в окрестности Рустави прибыл небольшой караван. Он двигался медленно, останавливаясь у поселений, где можно было пополнить запасы воды и продовольствия. Вместе с купцами ехали погонщики, несколько вооружённых сопровождающих и человек, которого остальные называли лекарем. Он был невысок, носил дорожную одежду и говорил с заметным акцентом, хотя грузинский язык знал достаточно хорошо.

Мальчик увидел караван ещё издали. Его привлекли не столько нагруженные повозки, сколько необычная одежда путешественников, их манера держаться и непривычная речь. Он поспешил к дороге, но остановился на некотором расстоянии, не решаясь подойти первым.

— Ты кого-то ждёшь? — спросил оказавшийся рядом мужчина.

— Нет. Я хочу посмотреть на людей, которые приехали издалека.

— А разве они отличаются от тех, кто живёт здесь?

— Не знаю. Поэтому и смотрю.

Мужчина усмехнулся.

— Хорошо. Только смотри внимательно. Иногда человек оказывается совсем не таким, каким кажется издали.

Один из купцов тем временем спешился и направился к колодцу. Он снял с пояса небольшую флягу, наполнил её водой и обратился к стоявшему поблизости мальчику:

— Ты местный?

— Да.

— Тогда скажи, далеко ли отсюда до Тбилиси?

— Если ехать верхом, можно добраться за несколько часов.

— А если пешком?

— Дольше.

Купец рассмеялся.

— Это я уже понял. Но ты отвечаешь разумно. Как тебя зовут?

Мальчик назвал своё имя, однако в нашем повествовании мы пока не станем торопиться с его раскрытием.

— Ты часто видишь караваны? — спросил купец.

— Иногда.

— А сам хотел бы отправиться с нами?

— Куда?

— Сначала в Тбилиси. Потом, возможно, дальше. В другие города.

Мальчик посмотрел на него с неподдельным интересом.

— А что там?

— Многое. Рынки, дворцы, мастерские, большие дороги, люди, которые говорят на языках, которых ты никогда не слышал.

— А люди везде одинаковые?

Купец задумался.

— Они хотят есть, любят своих близких, боятся потерять то, что им дорого, и мечтают о лучшей жизни. В этом они похожи. Но способы, которыми они пытаются добиться своего, бывают совершенно разными.

— Значит, нужно увидеть самому, чтобы понять?

— Именно. Чужие рассказы могут многое объяснить, но они не заменят собственных глаз.

Купец собирался уходить, когда к нему подошёл лекарь.

— Ты опять разговариваешь с детьми? — спросил он.

— А почему бы и нет? Иногда они задают вопросы, которые взрослые давно перестали себе задавать.

Лекарь внимательно посмотрел на мальчика.

— О чём ты мечтаешь?

— Я хочу увидеть мир.

— Весь?

— Если получится.

— Тогда тебе понадобится не только любопытство, но и терпение. Мир велик, а человеческая жизнь коротка.

— А вы много стран видели?

— Достаточно, чтобы понять: нигде нет места, где люди были бы полностью счастливы.

— Даже там, где живут богатые?

Лекарь улыбнулся.

— Особенно там, где богатство заставляет человека бояться его потерять.

Эти слова прозвучали для мальчика неожиданно. До сих пор он представлял богатые города местами, где у людей есть всё необходимое, где не нужно беспокоиться о завтрашнем дне. Теперь перед ним открывалась другая мысль: внешнее благополучие вовсе не гарантирует внутреннего покоя.

Караван задержался на несколько дней. За это время мальчик успел познакомиться с несколькими путешественниками. Один рассказывал о дальних рынках, другой — о морских портах, третий — о монастырях, расположенных среди гор. Каждый привозил с собой собственную историю, и все они складывались в необыкновенную картину мира.

Особенно его заинтересовал пожилой мастер, изготовлявший небольшие металлические изделия. Он показал мальчику тонкую работу по украшению рукояти кинжала и объяснил, что для создания красивой вещи недостаточно иметь хорошие инструменты.

— Посмотри на эту линию, — сказал мастер, указывая на узор. — Видишь, как она проходит вдоль края?

— Вижу.

— Если я немного ошибусь здесь, что произойдёт?

— Узор станет неровным.

— А если ошибка будет совсем маленькой?

— Её почти никто не заметит.

Мастер улыбнулся.

— А я замечу. Потому что знаю, каким этот узор должен был стать.

— Значит, мастер работает не только для тех, кто будет смотреть на его изделие?

— Прежде всего для себя. Если я не уважаю собственную работу, почему её должен уважать другой?

Мальчик долго рассматривал металлическую поверхность.

— А можно ли так же работать со словами?

Мастер рассмеялся.

— Я делаю вещи из металла, а ты уже собираешься делать вещи из слов?

— Я только спрашиваю.

— Тогда спроси у человека, который пишет книги. Он, наверное, ответит лучше меня. Но я скажу тебе одно: плохой мастер всегда ищет оправдание своей ошибке. Хороший — способ её исправить.

В день отъезда каравана мальчик пришёл попрощаться с путешественниками. Он не просил взять его с собой, хотя желание отправиться в путь стало ещё сильнее. Он понимал, что пока не может просто покинуть дом, не предупредив близких и не получив их согласия.

Купец, тот самый, который первым заговорил с ним у колодца, протянул ему небольшой свёрток.

— Возьми.

— Что это?

— Несколько листов. На них записаны названия городов, через которые мы проезжали. Может быть, однажды ты захочешь узнать о них больше.

Мальчик осторожно принял подарок.

— Спасибо. А вы вернётесь?

— Если дорога позволит.

— А если нет?

— Тогда, возможно, мы больше не увидимся.

— Это грустно.

— Да. Но не всякая встреча должна продолжаться всю жизнь, чтобы оказаться важной.

Караван двинулся дальше. Пыль поднялась над дорогой, колёса повозок заскрипели, голоса путешественников постепенно удалились. Мальчик ещё долго смотрел им вслед, держа в руках свёрток с названиями незнакомых городов.

Вечером он показал его старшему.

— Хочешь поехать? — спросил тот.

— Очень.

— И что ты будешь делать в чужой стране?

— Учиться. Смотреть. Разговаривать с людьми.

— А если встретишь тех, кто будет смеяться над тобой?

— Постараюсь понять, почему они смеются.

— А если обманут?

— Постараюсь больше не повторять той же ошибки.

Старший внимательно посмотрел на него.

— Ты думаешь, что мир станет добрее, если ты узнаешь его лучше?

— Не знаю. Но я хотя бы буду меньше ошибаться в людях.

— Это уже немало.

В ту ночь мальчик развернул свёрток и стал рассматривать названия. Некоторые были написаны непривычно, другие казались ему почти загадочными. Он повторял их про себя, представляя улицы, дома и людей, которых никогда не видел.

Ещё вчера мир ограничивался знакомыми дорогами. Теперь он раздвинулся до горизонта.

И хотя мальчик не отправился в путь вместе с караваном, путешествие уже началось. Оно происходило в его воображении, в вопросах, которые он задавал, и в желании понять людей, живущих за пределами привычного мира.

Впоследствии именно эта способность смотреть дальше видимого станет одним из важнейших качеств настоящего художника. Ведь поэт, который знает только собственную улицу, может написать о ней прекрасные строки. Но чтобы говорить о человеческой судьбе, ему необходимо услышать множество голосов, увидеть разные характеры и понять, что за каждым лицом скрывается своя история.

Глава 6. Дорога к знаниям

В учении есть одна особенность, которую редко замечают в самом начале: человек приходит к знаниям не тогда, когда ему открывают книгу, а тогда, когда он начинает понимать, насколько многого ещё не знает.

Первые успехи нередко приносят радость и даже некоторую самоуверенность. Кажется, что достаточно выучить несколько правил, запомнить имена знаменитых людей, научиться читать трудные тексты, и перед тобой уже открывается весь мир. Но чем дальше продвигается человек, тем яснее становится, что знания не похожи на лестницу, ведущую к последней ступени. Скорее, это дорога, за каждым поворотом которой обнаруживается новый горизонт.

В один из дней мальчик снова пришёл к старому переписчику. На этот раз тот не стал сразу раскрывать рукопись. Он сидел за столом и внимательно рассматривал несколько листов, исписанных разными почерками.

— Ты вовремя, — сказал старик. — Сегодня у меня для тебя работа.

— Какая?

— Попробуешь прочитать эти строки.

Мальчик подошёл ближе.

— Я ещё не умею читать так хорошо.

— Вот и проверим, чему ты уже научился.

Старик положил перед ним один из листов. На нём были короткие фразы, написанные довольно чётко, но некоторые буквы отличались от тех, к которым мальчик привык.

Он начал читать медленно, несколько раз останавливаясь и возвращаясь к предыдущим словам.

— Не торопись, — сказал переписчик. — Лучше прочитать правильно одну строку, чем быстро ошибиться в десяти.

— Я понимаю, но здесь знак другой.

— Потому что писали в другое время и, возможно, в другой обители. Почерк меняется, как меняется речь людей.

— Значит, и язык не остаётся одинаковым?

— Конечно. Люди добавляют новые слова, забывают старые, меняют произношение. Но если ты хочешь понимать книги, тебе придётся учиться замечать эти различия.

Мальчик продолжил чтение. В конце концов ему удалось разобрать весь текст.

— Хорошо, — произнёс старик. — А теперь скажи, о чём он.

— Здесь говорится о человеке, который обещал вернуться.

— И что ты понял из этого?

— Что он не вернулся.

— В тексте этого нет.

— Но здесь сказано, что его долго ждали.

— А если он всё-таки вернулся, только позднее?

Мальчик задумался.

— Тогда я неправильно понял.

— Вот почему нельзя торопиться с выводами. Сначала нужно прочитать, потом проверить смысл, затем сопоставить его с другими свидетельствами. И лишь после этого можно говорить, что ты понял.

— Но если человек не знает всех обстоятельств, как ему быть?

— Он должен честно признать, чего не знает.

Переписчик убрал лист и достал другой.

— Теперь расскажи мне, что ты знаешь о звёздах.

Мальчик удивился.

— Я знаю, что они появляются ночью.

— Это наблюдение. А что ты знаешь о движении небесных светил?

— Почти ничего.

— Значит, начнём с этого.

Старик объяснил, что учёный человек должен уметь смотреть не только на землю, но и на небо. Он рассказал о наблюдениях, которые ведутся поколениями, о движении светил, о попытках людей понять устройство мира. Некоторые объяснения были доступны мальчику, другие казались слишком сложными. Но именно трудность предмета привлекала его внимание.

— А зачем человеку знать, как движутся звёзды? — спросил он.

— Чтобы понимать время, ориентироваться в пути, составлять календарь. Чтобы лучше представлять устройство мира.

— А разве для этого недостаточно просто смотреть на небо?

— Смотреть недостаточно. Нужно наблюдать, сравнивать, записывать и думать.

— Значит, учёный похож на переписчика?

— В чём-то похож. Только переписчик сохраняет чужие слова, а исследователь пытается открыть то, чего прежде не понимали.

Мальчик задумался.

— А поэт?

Старик не сразу ответил.

— Поэт тоже наблюдает. Только он ищет не одни причины и объяснения. Он старается понять, что чувствует человек, когда смотрит на звёзды, когда теряет близкого, когда ждёт возвращения или встречает любовь.

— Значит, поэту тоже нужно учиться?

— Больше, чем многим кажется.

— Но разве достаточно не иметь красивый голос и не уметь складывать слова?

— Нет. Красивые слова без мысли похожи на дорогую ткань, которой прикрыли пустоту. Настоящая поэзия требует знания языка, истории, человеческой природы, умения чувствовать меру и слышать музыку речи.

Старик произнёс это без назидательности, но мальчик понял, что речь идёт о чём-то гораздо более серьёзном, чем обычное обучение.

Вскоре к переписчику пришёл ещё один посетитель. Это был молодой человек из Тбилиси, который занимался изучением языков и сопровождал торговцев в поездках. Он принёс несколько листов с переводами и попросил старика взглянуть на одну из фраз.

— Здесь смысл передан неправильно, — сказал переписчик после внимательного чтения.

— Я тоже так подумал, — ответил молодой человек. — Но мне сказали, что перевод должен быть буквальным.

— Буквальный перевод иногда убивает смысл.

— А если отступить от слов, не исказим ли мы мысль автора?

— Нужно найти равновесие. Нельзя менять смысл ради красивого звучания, но нельзя и превращать живую речь в бессвязный набор слов.

Мальчик слушал их разговор.

— А можно ли перевести стихотворение так, чтобы оно осталось стихотворением?

Молодой человек повернулся к нему.

— Вот это непростой вопрос.

— Почему?

— Потому что у каждого языка своя музыка. Одно слово может звучать коротко и резко, другое — мягко и протяжно. В одном языке рифма возникает естественно, в другом приходится искать совсем иные средства.

— Значит, переводчик должен быть немного поэтом?

— Иногда он должен быть очень хорошим поэтом, чтобы не погубить чужое произведение.

Переписчик одобрительно кивнул.

— И при этом не должен забывать, что произведение принадлежит автору, а не переводчику.

Молодой человек разложил листы и прочитал несколько строк. Мальчик не понял всех слов, но почувствовал их ритм. В них было что-то необычное: речь словно двигалась сама по себе, то ускоряясь, то замедляясь, то становясь почти песней.

— Повтори, пожалуйста, — попросил он.

Гость прочитал ещё раз.

— Что тебе понравилось?

— Не знаю. Мне кажется, что слова здесь не просто сообщают о чём-то. Они сами создают то, о чём говорят.

Молодой переводчик удивлённо посмотрел на переписчика.

— У тебя необычный ученик.

— У меня нет учеников, — ответил старик. — Есть люди, которые приходят и задают вопросы. Иногда этого достаточно, чтобы учиться обоим.

После ухода гостя переписчик предложил мальчику новое упражнение. Он дал ему несколько простых предложений и попросил передать их другими словами, не изменяя смысла.

Первое задание оказалось лёгким. Второе потребовало больше усилий. На третьем мальчик остановился.

— Не получается, — признался он.

— Почему?

— Если я меняю слова, мысль становится другой.

— А если оставляешь прежние, то ничего не создаёшь. Нужно искать точность.

— Это трудно.

— Конечно. Лёгкая работа редко приводит к серьёзному результату.

Мальчик снова взял перо. Он пробовал одну формулировку, затем другую, зачеркивал, начинал заново. Иногда ему казалось, что он уже нашёл нужный вариант, но стоило прочитать его вслух, как обнаруживалась какая-нибудь неточность.

— Я устал, — сказал он наконец.

— Тогда отдохни.

— Но я не закончил.

— Именно поэтому и нужно отдохнуть. Уставший человек начинает бороться не с трудностью, а с самим собой.

Мальчик отложил перо.

— А вы никогда не бросали работу, когда она не получалась?

Старик рассмеялся.

— Если бы я бросал всякий раз, когда что-нибудь не получалось, у меня не было бы ни одной законченной рукописи.

— Значит, вы всегда продолжали?

— Нет. Иногда я откладывал работу на следующий день. Иногда просил совета. Иногда признавал, что не знаю, как исправить ошибку. Упорство — это не бессмысленное повторение одного и того же. Это способность искать другой путь, когда прежний оказался неверным.

Эти слова оказались для мальчика не менее важными, чем все прочитанные им строки.

Когда он возвращался домой, солнце уже клонилось к закату. По дороге он встретил нескольких детей, которые играли у стены. Они позвали его присоединиться, но он попросил немного подождать.

— Ты опять идёшь к своим книгам? — спросил один из мальчиков.

— Да.

— И что ты там делаешь целый день?

— Учусь.

— Чему?

— Пока не знаю.

Дети рассмеялись.

— Как можно учиться тому, чего не знаешь?

Мальчик улыбнулся.

— Вот именно это я и пытаюсь понять.

Он продолжил путь. В руках у него были листы с упражнениями, а в голове — множество новых вопросов. Теперь он уже понимал, что учение не сводится к чтению книг и запоминанию чужих мыслей. Оно требует терпения, сомнений, самостоятельного поиска и готовности признать собственную ошибку.

Впереди оставалось ещё очень многое: языки, история, философия, религиозная мысль, музыка слова и законы человеческого характера. Нельзя утверждать, что именно так складывалось образование будущего поэта: документальные сведения о его учёбе и учителях не дают нам такой подробной картины. Но позднее созданная им поэма обнаружит широту литературных и философских представлений, которую невозможно объяснить одним лишь природным дарованием.

За большим произведением всегда стоит большой труд. И чем раньше человек это поймёт, тем меньше вероятность, что он примет первый успех за окончательное достижение.

Глава 7. Испытание юности

Первое настоящее испытание редко приходит к человеку в том виде, в каком он его ожидает. Чаще всего оно начинается с чего-то совершенно обыденного: неосторожного слова, несправедливого обвинения, чужой обиды или поступка, который невозможно оставить без ответа.

В тот день на городской площади собралась небольшая толпа. Несколько ремесленников спорили с управляющим одного из хозяйственных дворов, требуя выплатить им деньги за выполненную работу. Они утверждали, что договорённость была нарушена, а управляющий, человек грузный и самоуверенный, настаивал, что мастера сами виноваты в задержке.

— Вы обещали закончить работу к празднику, — говорил он. — Не закончили. Почему я должен платить вам полностью?

— Потому что мы сделали всё, о чём договаривались, — возразил пожилой мастер. — А задержка произошла не по нашей вине. Ты сам не привёз необходимый материал.

— Это ваши оправдания.

— Нет. Это правда.

— Правда? — управляющий усмехнулся. — Слишком часто вы вспоминаете о правде, когда приходит время получать деньги.

Один из молодых подмастерьев не выдержал:

— А ты вспоминаешь о договоре только тогда, когда он выгоден тебе!

Толпа загудела. Управляющий повернулся к юноше.

— Следи за языком. Ты ещё слишком молод, чтобы разговаривать со мной таким тоном.

— Возраст не делает человека правым.

Несколько человек одобрительно зашептались, но управляющий покраснел от гнева.

— Убирайтесь отсюда! Пока я не приказал отвести вас к городскому начальнику!

Молодой подмастерье шагнул вперёд, однако пожилой мастер остановил его.

— Не надо, — тихо сказал он. — Не превращай спор о справедливости в драку.

В стороне стоял наш герой. Он пришёл на площадь по другому делу, но невольно оказался свидетелем происходящего. Он видел, как старый мастер сдерживает молодого товарища, как управляющий пользуется своим положением и как люди вокруг боятся вмешаться, хотя многие явно понимают, кто прав.

Ему захотелось что-то сказать. Но что именно? Он не был участником спора, не знал всех подробностей и не мог доказать, что ремесленники действительно выполнили договор полностью.

Он подошёл к пожилому мастеру, когда тот отошёл от толпы.

— Почему вы не продолжили спорить? — спросил он.

— Потому что спорить нужно тогда, когда есть надежда добиться результата.

— А если молчать, разве не получится, что несправедливость останется без ответа?

Старик внимательно посмотрел на него.

— Ты считаешь, что всякую несправедливость можно исправить одним правильным словом?

— Нет. Но если никто ничего не скажет, её никто и не заметит.

— Люди заметили. Только не все готовы рисковать ради чужой беды.

— А вы готовы?

Мастер тяжело вздохнул.

— Я много лет работаю своими руками. Мне есть что терять. Но я не хочу, чтобы мои ученики привыкали считать унижение нормальным порядком вещей.

Эти слова задели юношу сильнее, чем сама ссора.

Вечером он рассказал о случившемся человеку, которому доверял.

— И что ты хотел сделать? — спросил тот.

— Не знаю. Мне казалось, что я должен был вмешаться.

— Почему?

— Потому что они были неправы.

— Ты уверен?

— Управляющий не хотел платить за выполненную работу.

— Ты видел договор?

— Нет.

— Знаешь, сколько материалов было доставлено?

— Нет.

— Слышал объяснения обеих сторон?

— Я слышал спор.

— Значит, ты видел конфликт, но ещё не знаешь всей правды.

Юноша нахмурился.

— Тогда получается, что лучше вообще не вмешиваться?

— Нет. Получается, что прежде чем вмешиваться, нужно понять, в чём дело. И ещё одно: не путай справедливость с желанием немедленно наказать того, кто тебе неприятен.

— Но ведь иногда молчание помогает сильному.

— Бывает и так. Только громкий голос не всегда помогает слабому. Иногда он лишь делает положение ещё опаснее.

Между ними возникло молчание.

— Мне трудно принять, что нужно ждать, — наконец произнёс юноша.

— А кто говорит, что нужно ждать? Я говорю, что нужно действовать разумно. Если хочешь помочь человеку, подумай не только о том, что ты скажешь, но и о том, что произойдёт после твоих слов.

На следующий день юноша снова встретил пожилого мастера. Тот сидел у своей мастерской и чинил инструмент.

— Я думал о нашем вчерашнем разговоре, — сказал юноша.

— И к чему пришёл?

— Наверное, я слишком быстро решил, что знаю всё.

Мастер улыбнулся.

— Это хорошее начало.

— Но я всё равно считаю, что вы не должны оставлять дело так.

— А что ты предлагаешь?

— Собрать тех, кто работал вместе с вами, и попросить каждого рассказать, что было сделано. Если все подтвердят ваши слова, можно будет обратиться к людям, которые разбираются в подобных спорах.

Старик отложил инструмент.

— Ты хочешь, чтобы я снова пошёл туда?

— Я хочу, чтобы вы не оставались один.

В его голосе не было прежней горячности. Он говорил спокойно, но твёрдо.

Мастер долго смотрел на юношу, а затем кивнул.

— Хорошо. Попробуем.

Они действительно собрали свидетельства работников и обратились к людям, способным рассмотреть спор. Дело не разрешилось мгновенно, но управляющему пришлось объясняться, а ремесленники получили возможность доказать свою правоту.

Для юноши это стало небольшим, но важным уроком. Он понял, что человеческое достоинство требует не только смелости, но и ответственности. Недостаточно возмутиться неспра-

ведливостью. Нужно найти способ противостоять ей, не превращая собственное негодование в новую несправедливость.

Вскоре произошёл ещё один случай, который заставил его задуматься.

Однажды он услышал, как несколько молодых людей насмехались над человеком, пришедшим из далёких земель. Тот говорил с акцентом, не сразу понимал местные выражения и потому вызывал у окружающих улыбки.

— Послушай, как он разговаривает! — сказал один из насмешников. — Кажется, будто слова у него ломаются на ходу.

Незнакомец сделал вид, что не слышит.

Юноша подошёл к нему и заговорил на языке, который знал благодаря прежним встречам с путешественниками. Разговор получился коротким, но этого оказалось достаточно, чтобы незнакомец почувствовал себя увереннее.

Когда они отошли в сторону, тот спросил:

— Ты зачем вмешался?

— Мне показалось, что тебе неприятно.

— Неприятно. Но я привык. В чужих городах всегда найдётся кто-нибудь, кому хочется посмеяться над человеком, говорящим иначе.

— А ты почему не ответил?

— Потому что не всякая насмешка заслуживает ответа. Иногда лучше сохранить достоинство, чем доказывать его каждому встречному.

Юноша задумался. Он вспомнил вчерашний спор и понял, что перед ним снова возникла та же трудность: где проходит граница между молчанием и слабостью, между решительностью и необдуманным поступком?

Незнакомец словно прочитал его мысли.

— Ты ещё молод, — сказал он. — Со временем поймёшь: сила человека не в том, чтобы всегда побеждать в споре. Она в том, чтобы не становиться похожим на тех, против кого ты выступаешь.

В тот вечер юноша долго размышлял о человеческом достоинстве. Он всё яснее понимал, что мир не делится на простые противоположности. За каждым поступком могут стоять обстоятельства, которые не видны постороннему. За гордостью может скрываться страх, за молчанием — осторожность, за резкостью — пережитая боль.

Но это не означало, что человек должен отказаться от собственного нравственного выбора. Напротив, теперь он чувствовал, что выбирать становится труднее, а значит, ответственность возрастает.

Возможно, именно так и начинается взросление: не с первого самостоятельного поступка и не с признания окружающих, а с момента, когда человек перестаёт считать собственное мнение окончательной истиной.

Он ещё не знал, что однажды ему предстоит столкнуться с гораздо более сложными противоречиями — там, где человеческая любовь встретится с долгом, где слово окажется сильнее оружия, а молчание сможет стоить дороже открытого признания.

Пока же он учился одному: смотреть на человека не только глазами, но и совестью.

Глава 8. Голос, который нельзя было удержать

Вечером, когда над городом опустились сумерки, в одном из домов собрались гости. Среди них были люди, любившие музыку, поэзию и старинные рассказы. Хозяин дома, человек состоятельный и гостеприимный, нередко устраивал такие встречи. Он считал, что хороший вечер должен оставлять после себя не только воспоминания о вкусной еде и приятном обществе, но и хотя бы одну мысль, ради которой стоило отложить повседневные дела.

В тот вечер пришёл странствующий певец. Его сопровождал молодой музыкант, державший небольшой инструмент. Певец был уже немолод, но голос его сохранял удивительную силу. Он исполнял песни, которые слышал в разных областях страны, и знал множество историй о героях, странниках, влюблённых и людях, погибших ради своей чести.

Гости расселись вокруг очага. Кто-то попросил рассказать о последнем путешествии, кто-то предложил исполнить старую песню.

— Сегодня я хочу спеть не о победе, — сказал певец. — О победах рассказывают достаточно часто. Я спою о человеке, который вернулся домой после долгих странствий и обнаружил, что его уже никто не ждёт.

— Разве это интересная история? — спросил один из гостей.

— Если тебе интересны только счастливые окончания, возможно, нет.

— А чем она закончилась?

Певец улыбнулся.

— Если я расскажу сейчас, зачем тогда петь?

Музыкант коснулся струн. В комнате стало тихо.

Песня начиналась спокойно, почти незаметно. В ней рассказывалось о дороге, о долгом ожидании, о человеке, который возвращался к родному дому и надеялся увидеть знакомый свет в окне. Но чем дальше развивалась история, тем сильнее менялось настроение. Певец не повышал голоса, не пытался вызвать слёзы искусственными интонациями. Он просто рассказывал о том, как время изменило всё, что герой считал неизменным.

Когда песня закончилась, никто не заговорил сразу.

— Хорошо исполнено, — наконец произнёс хозяин дома.

— А тебе понравилось? — спросил певец у сидевшего рядом молодого человека.

— Да.

— Почему?

— Потому что я почувствовал, что человек вернулся не только в свой дом. Он вернулся к самому себе, но обнаружил, что уже не может стать прежним.

Певец внимательно посмотрел на него.

— Ты слушал не только слова.

— Я пытался представить, что чувствовал этот человек.

— Это правильно. Песня должна не просто звучать. Она должна продолжаться внутри того, кто её услышал.

Молодой человек попросил разрешения прочитать несколько строк, которые записал накануне. Он не был уверен, что они достаточно хороши, и потому до этого никому их не показывал.

Хозяин дома поддержал его:

— Читай. Здесь собрались люди, которые умеют слушать.

Юноша достал небольшой лист. Он прочитал текст негромко, немного волнуясь. Это были ещё несовершенные строки, в которых чувствовались подражание услышанным песням, желание найти собственный ритм и неуверенность начинающего автора. Но в них уже было стремление говорить о человеческом переживании, а не просто украшать речь красивыми словами.

Когда он закончил, один из гостей заметил:

— Ты слишком усложняешь. Люди любят понятные стихи.

Другой возразил:

— Нет, дело не в сложности. Просто некоторые строки звучат так, будто автор ещё не решил, что именно хочет сказать.

Юноша опустил лист.

— Возможно, вы правы.

— Не расстраивайся, — сказал певец. — Первый текст редко бывает последним словом человека.

— А как понять, что он стал лучше?

— Когда ты перестанешь защищать каждую строчку только потому, что сам её написал.

Гости рассмеялись.

— Но если я буду постоянно исправлять написанное, — сказал юноша, — не исчезнет ли в конце концов то, что я хотел выразить?

Певец задумался.

— Может исчезнуть, если ты станешь бояться собственной мысли. Но может и очиститься, если сумеешь отделить главное от случайного.

— А вы никогда не жалели о том, что исполнили какую-нибудь песню?

— Жалел. Иногда потому, что не сумел передать её так, как чувствовал. Иногда потому, что понял: слова могут ранить сильнее, чем я предполагал.

— Тогда почему вы продолжаете петь?

Певец посмотрел на огонь.

— Потому что молчание тоже бывает виновным. Есть вещи, о которых нельзя не говорить.

Эта фраза осталась в памяти юноши.

После встречи он вышел во двор. Ночь была ясной. Над крышами сияли звёзды, а вдалеке слышалась музыка, доносившаяся из соседнего дома. Он присел на каменную ступень и снова развернул свой лист.

Ему вспомнились слова старого переписчика, разговоры о справедливости, встречи с путешественниками и сегодняшняя песня. Всё это словно соединялось в одну мысль: слово не может быть только красивым. Оно должно что-то делать с человеческой душой.

Но что именно?

Он понимал, что пока не обладает достаточным мастерством. Его строки ещё не выдерживали строгой проверки. Он мог почувствовать переживание, но не всегда умел выразить его точно. Иногда слова казались ему слишком простыми, иногда — чрезмерно украшенными. Он искал такую речь, в которой чувство не теряло бы своей силы, а мысль не превращалась бы в сухое рассуждение.

На следующий день он снова встретился с певцом. Тот собирался покинуть город.

— Вы уезжаете? — спросил юноша.

— Да. Дорога ждёт.

— А можно мне показать вам ещё несколько строк?

— Конечно.

Юноша прочитал новый текст. Певец слушал внимательно, не перебивая. Когда чтение закончилось, он попросил повторить последнюю часть.

— Здесь ты нашёл что-то своё, — произнёс он. — Но пока не доверяешь этому до конца.

— Почему вы так думаете?

— Потому что после сильной мысли ты сразу объясняешь её ещё раз. Будто боишься, что читатель не поймёт.

— А если действительно не поймёт?

— Тогда он перечитает. Не нужно лишать его этой возможности.

Юноша улыбнулся.

— Вы говорите так, будто читатель тоже должен работать.

— Конечно. Настоящее искусство не должно превращать человека в пассивного слушателя. Оно приглашает его к разговору.

Певец положил лист на стол.

— Запомни одну вещь. Не пытайся понравиться каждому. Если будешь подбирать слова только ради одобрения, однажды обнаружишь, что говоришь не своим голосом.

— Но разве поэт может не думать о тех, кто его читает?

— Должен думать. Только уважать читателя — не значит подчиняться каждому его желанию.

Юноша долго молчал.

— А если мой голос никому не понравится?

— Тогда тебе придётся решить, насколько ты сам веришь в то, что хочешь сказать. Но не путай веру в собственное слово с упрямством. Поэт тоже обязан учиться.

Певец поднялся, поправил дорожный плащ и направился к воротам.

— Вы ещё вернётесь? — спросил юноша.

— Если судьба позволит.

— Я хотел бы снова услышать ваши песни.

— А я хотел бы однажды услышать твои.

Они попрощались.

Юноша остался один. Он смотрел на лист, лежавший перед ним, и впервые почувствовал не просто желание писать, а ответственность за каждое написанное слово. Ему предстояло пройти долгий путь, научиться владеть языком, освоить поэтическую форму, изучить наследие предшественников и найти собственный способ говорить о мире.

Он ещё не был поэтом в том смысле, в каком это слово понимают потомки. Но в нём уже формировалась потребность, которую невозможно было удовлетворить одними чужими песнями.

Голос искал выход.

И чем больше юноша слушал других, тем отчётливее понимал: однажды ему придётся заговорить самому.

Может быть, он ещё долго будет сомневаться. Возможно, не раз уничтожит написанное, начнёт заново, изменит ритм, откажется от красивой строки ради точной мысли. Но теперь он уже не мог просто вернуться к прежней жизни, в которой слово было лишь средством общения.

Оно становилось его внутренней необходимостью.

Именно так, через подражание, ошибки, сомнения и первые робкие попытки, начинается путь художника. Не с признания публики, не с торжественного объявления о рождении таланта, а с момента, когда человек понимает: если он не выразит того, что накопилось в его душе, то не сможет оставаться самим собой.

ЧАСТЬ II. ПОД ЗОЛОТЫМ ЗНАМЕНЕМ ТАМАРЫ

Глава 9. Царевна, которой предстояло стать царицей

В царском дворце не любили произносить слово «сомнение». Оно казалось опасным даже тогда, когда речь шла о вещах, которые нельзя было решить одним приказом. Здесь привыкли говорить о верности, долге, наследии предков и воле Божией. Но за торжественными словами скрывалось то, о чём редко говорили вслух: власть никогда не переходила из рук в руки без тревоги, а порой и без борьбы.

Тамара знала это лучше многих.

Она была ещё совсем молодой, когда отец, царь Георгий III, возвысил её до положения соправительницы. С того времени её имя появлялось рядом с именем царя, а в присутствии придворных ей оказывали почести, подобающие наследнице престола. Но одно дело — стоять рядом с отцом во время торжественного обряда, и совсем другое — понимать, что однажды все взгляды обратятся к тебе и будут ждать не слов, а решений.

В тот день Тамара находилась в покоях, где на низком столе лежали грамоты, донесения и несколько свитков с печатями. За окном шумел город. Тбилиси жил своей привычной жизнью: торговцы спорили о цене товара, ремесленники стучали молотками, со дворов доносились голоса детей. А во дворце обсуждали то, от чего зависела жизнь всего царства.

— Государыня, — произнёс пожилой советник, входя после разрешения, — князья из западных земель вновь просят принять их посланников.

— Они просят встречи или хотят, чтобы мы приняли их условия? — спросила Тамара.

Советник слегка улыбнулся.

— В этом, как правило, и заключается разница между просьбой и требованием.

— Тогда не будем путать одно с другим. Пусть приходят. Я выслушаю их.

— Они привыкли говорить с царём.

Тамара подняла глаза.

— А разве они не знают, что я соправительница царя?

— Знают, государыня. Но привычка иной раз сильнее знания.

Она отложила грамоту.

— Привычка не может быть законом для всего царства. Если человек привык, что его слушают только потому, что он знатен, это ещё не означает, что он прав.

Советник не ответил. Он давно служил Георгию III и видел, как менялась страна, как укреплялась царская власть, как одни роды теряли прежнее влияние, а другие поднимались благодаря службе и воинским заслугам. Он понимал, что Тамара не собирается быть украшением трона. Но понимал и другое: не все готовы принять это.

Вскоре вошёл сам Георгий III. В последние годы его лицо стало строже, а движения — медленнее. Однако взгляд оставался твёрдым. Он остановился у стола и посмотрел на дочь.

— Опять споришь с советниками?

— Я не спорю, отец. Я спрашиваю, почему одни люди считают своё происхождение достаточным доказательством правоты.

Георгий усмехнулся.

— Потому что иногда происхождение действительно даёт человеку право требовать уважения.

— Уважения — да. Но не безусловного повиновения.

Царь некоторое время молчал. Затем подошёл к окну.

— Ты думаешь, власть держится только на справедливости?

— Нет. Она держится и на силе, и на согласии, и на страхе, если правитель позволяет страху стать своим главным советником. Но если люди перестанут верить, что власть служит царству, одной силы будет мало.

— Хорошо сказано. Но тебе предстоит узнать, насколько трудно следовать собственным словам.

— Я знаю, отец.

— Нет, Тамара. Пока ты знаешь только то, что видела рядом со мной. А однажды тебе придётся отвечать за то, чего я уже не смогу исправить.

Она опустила глаза. В этих словах не было обычного наставления. Георгий говорил с ней как с человеком, которому передавал не только корону, но и тяжесть собственной судьбы.

— Ты боишься за меня? — спросила она.

— Я боюсь за царство. За тебя я тревожусь как отец.

Тамара подошла к нему.

— Я не хочу, чтобы люди повиновались мне только потому, что ты назвал меня наследницей.

— И правильно. Но не думай, что все будут оценивать тебя по твоим поступкам. Некоторые станут оценивать тебя по тому, что ты женщина.

— Тогда им придётся привыкнуть судить меня по делам.

Георгий посмотрел на дочь внимательно, словно впервые увидел в ней не ребёнка, которого когда-то держал за руку, а будущую правительницу.

— Не торопись доказывать всем свою силу, — сказал он. — Иногда мудрость заключается в том, чтобы не отвечать на каждое оскорбление.

— А иногда молчание принимают за слабость.

— Поэтому ты должна научиться различать, когда следует молчать, а когда говорить так, чтобы тебя услышали.

Вечером Тамара долго не могла уснуть. Ей вспоминались лица придворных, их поклоны, сдержанные улыбки, осторожные слова. Она знала, что многие из них искренне служат государству. Но были и такие, кто видел в ней лишь удобное продолжение власти её отца, а в будущем — возможность вернуть себе прежние привилегии.

На столе лежала книга. Тамара раскрыла её, но не сразу стала читать. Ей хотелось понять, почему люди так часто называют честью то, что на самом деле является стремлением властвовать над другими.

За стенами дворца затихал город. Где-то вдалеке звучал колокол. Тамара закрыла книгу и подошла к окну.

Она ещё не знала, какие испытания принесут ей ближайшие годы. Не знала, кто станет её союзником, кто отвернётся, а кто попытается воспользоваться её молодостью. Но уже понимала главное: корона не избавляет человека от одиночества. Иногда она делает его неизбежным.

И всё же отступать она не собиралась.

Глава 10. Время тревог и перемен

Весной 1184 года дворец погрузился в траур.

Смерть Георгия III стала не только семейной утратой для Тамары. Вместе с царём уходила эпоха, в которой государство привыкло к его твёрдой руке, к его решениям, к установленному им порядку. Для одних это было окончанием долгого правления. Для других — началом давно ожидаемого передела влияния.

Весть о смерти царя быстро разошлась по стране. В Тбилиси звонили колокола, в церквах служили поминальные молитвы, во дворец прибывали представители знати и духовенства. Каждый приносил слова скорби, но далеко не каждый думал только о покойном государе.

Тамара принимала людей сдержанно. Она не позволяла себе ни поспешных обещаний, ни показного гнева. Ей предстояло пройти через обряд нового утверждения на престоле, и уже тогда стало ясно: некоторые вельможи намерены воспользоваться переменой, чтобы напомнить ей о своих правах.

— Государыня, — сказал один из приближённых, — знатные дома желают, чтобы новое венчание на царство совершилось при их участии.

— Разве они не участвовали в признании моего права прежде? — спросила Тамара.

— Тогда рядом с вами был царь Георгий.

— А теперь его нет.

— Именно поэтому они считают необходимым вновь подтвердить своё согласие.

Тамара посмотрела на советника.

— Согласие с чем? С тем, что царство должно иметь правителя? Или с тем, что править буду я?

Советник не сразу нашёлся с ответом.

— Они хотят быть уверены, что их голос будет услышан.

— Голос каждого верного подданного должен быть услышан. Но это не значит, что каждый голос должен становиться приказом.

Повторное венчание состоялось. Оно имело большое значение: представители знати и духовенства публично подтвердили признание Тамары как государя. Однако за внешним торжеством скрывалась непростая политическая сделка. Вельможи желали не просто засвидетельствовать верность новой царице. Они стремились вернуть себе влияние, ослабленное при Георгии III.

Вскоре требования стали конкретнее.

В зале дворца собрались люди, привыкшие считать себя опорой государства. Их одежда, украшения и свита подчёркивали положение каждого. Одни говорили почтительно, другие — с той уверенностью, которую даёт многолетнее обладание властью.

— Государыня, — начал один из старших вельмож, — при покойном царе многие решения принимались людьми, не принадлежавшими к древним знатным родам. Мы считаем, что настало время восстановить прежний порядок.

— Какой именно порядок? — спросила Тамара.

— Должности должны занимать люди, чьё происхождение и заслуги известны всему царству.

— Происхождение известно по рождению. Заслуги — по делам. Вы предлагаете мне забыть о делах?

В зале стало тихо.

— Мы не желаем оскорбить вас, государыня, — ответил другой вельможа. — Но государство не может управляться людьми, чьё положение вызывает недовольство знати.

— А может ли оно управляться только теми, кто родился в нужном доме?

— Таков обычай.

— Обычай не всегда справедлив.

Эти слова не вызвали открытого возражения, но Тамара заметила, как переглянулись несколько человек. Они пришли не для того, чтобы обсуждать справедливость. Им требовалось решение, которое укрепило бы их собственное положение.

Давление было сильным. Царице пришлось согласиться на отстранение ряда влиятельных сановников, в том числе людей, обязанных возвышением прежнему царю. Среди них оказались военачальник Кубасар и сановник Апридон. Для Тамары это было болезненным уступлением: она теряла тех, кому могла доверять, но открытое столкновение с могущественными родами в первые месяцы правления грозило расколоть страну.

Однажды вечером, когда последние посетители покинули дворец, Тамара долго стояла у окна. Вошла её доверенная служанка и остановилась в стороне.

— Государыня, вам принести ужин?

— Позже.

— Вы сегодня почти ничего не ели.

— Сегодня многие люди получили то, чего добивались. Но я не уверена, что царство стало от этого сильнее.

Служанка помолчала.

— Вы уступили им ради мира.

— Мир, который покупают уступками, иногда оказывается лишь короткой передышкой.

— Но разве можно было поступить иначе?

Тамара повернулась к ней.

— Можно было отказаться. Можно было приказать страже вывести их из зала. Можно было показать, что я не боюсь. Но что стало бы с государством завтра? Сколько людей погибло бы из-за моего желания немедленно доказать свою власть?

— Значит, вы поступили правильно?

— Я поступила так, как считала необходимым сегодня. Завтра придётся решать заново.

Вскоре борьба переместилась из зала переговоров в область самого устройства власти. Одним из самых заметных противников царской политики стал Кутлу-Арслан. Он и его сторонники выступили с предложением создать особое собрание, которое должно было бы участвовать в решении государственных дел и ограничить единоличную власть царя. Их замысел затрагивал саму основу существующего порядка: речь шла уже не о назначении отдельных сановников, а о том, кому принадлежит право принимать решения от имени царства.

Когда Тамаре доложили об этом, она не сразу ответила.

— Они хотят совета? — спросила она наконец.

— Они говорят о собрании, которое будет решать важнейшие вопросы независимо от царского двора.

— Совет может помогать правителю. Но если каждый влиятельный человек станет считать себя отдельным государем, кто будет отвечать за судьбу страны?

— Они утверждают, что так будет справедливее.

— Справедливость не должна превращаться в прикрытие для борьбы за власть.

Тамара понимала, что нельзя недооценивать противников. За Кутлу-Арсланом стояли люди, располагавшие землями, войском и связями. Но она также понимала: если уступить им право распоряжаться царством, её собственная власть станет пустым именем.

Сторонники Кутлу-Арслана были арестованы. Однако столкновение не завершилось кровавой расправой. После переговоров и обещания помилования мятежное движение было остановлено, а его участники получили возможность вернуться к повиновению.

Царица вышла из этого испытания не победительницей, которой досталось всё, чего она желала, а правительницей, которой пришлось научиться отступать, чтобы сохранить возможность наступать позднее.

Поздним вечером она вновь осталась одна. На столе лежали донесения из разных областей, письма духовных лиц и прошения людей, чьи имена не были известны придворным. Тамара взяла одно из них. Его автор жаловался на притеснения местного властителя и просил царского суда.

Она прочитала письмо до конца, затем положила его отдельно.

— Вот ради чего существует власть, — произнесла она тихо. — Не ради того, чтобы сильные делили её между собой.

За окном темнело. Впереди были новые испытания: церковные споры, вопрос о браке и наследнике, сопротивление знати, опасность внешних угроз. Но первый трудный год уже показал, что молодая царица не собирается отдавать государство тем, кто привык считать его своей собственностью.

Золотое знамя над дворцом ещё не означало наступления золотого века. До него предстояло пройти через тревоги, ошибки, тяжёлые решения и борьбу, в которой Тамаре нужно было доказать не то, что она достойна короны по праву рождения, а то, что она способна нести ответственность за целую страну.

Глава 11. Корона и цена власти

Тамара всё чаще замечала, что дворец живёт словно двумя жизнями.

Днём здесь звучали торжественные речи, принимались послы, обсуждались налоги, военные приготовления и просьбы отдалённых областей. Вечером же, когда двери залов закрывались, начиналась другая жизнь: шёпот за портьерами, осторожные визиты, обмен обещаниями и разговоры, которые никто не хотел заносить в официальные записи.

Царица уже понимала, что её противники не обязательно желают гибели царства. Многие из них искренне считали, что государством должны управлять люди, обладающие древними родовыми правами. Они просто не могли смириться с тем, что последнее слово принадлежит женщине, пусть даже женщине из царского рода.

Особенно сложными оставались отношения с высшими представителями церкви. Католикос Микель обладал большим влиянием не только в духовных делах. Его положение позволяло ему участвовать в решении важнейших государственных вопросов, и Тамара не могла не видеть, что церковная власть порой становилась самостоятельной политической силой.

Однажды царица пригласила к себе нескольких духовных лиц и советников.

— Я желаю, чтобы в нашем царстве не было раздора между престолом и церковью, — начала она. — Но мир невозможен там, где одна власть считает себя вправе распоряжаться другой.

Один из присутствовавших епископов осторожно ответил:

— Государыня, церковь не ищет власти ради земных преимуществ. Её дело — заботиться о спасении душ.

— Именно поэтому я хочу, чтобы её голос был свободен от придворных расчётов. Но и царская власть не должна прикрываться именем церкви, когда ей требуется оправдать несправедливое решение.

Католикос Микель выслушал её без видимого волнения.

— Ваше величество, государству необходимы единство и согласие. В трудное время нельзя ослаблять тех, кто помогает удерживать его от распада.

— Я не собираюсь ослаблять церковь, — ответила Тамара. — Я хочу, чтобы каждый исполнял своё служение честно. Священнослужитель не должен забывать о вере ради придворной борьбы. А царь не должен забывать о людях ради сохранения собственной власти.

Встреча закончилась без примирения.

Тамара понимала, что её слова сами по себе ничего не изменят. Вскоре был созван церковный собор, на котором обсуждались положение католикоса и действия некоторых представителей духовенства. Однако ожидаемого перелома не произошло. Микель сохранил своё влияние, а царице пришлось признать, что даже собор, созванный по её воле, не обязательно даст тот результат, на который она рассчитывает.

Это было неприятное открытие. Но оно научило её важной вещи: власть правителя не измеряется количеством произнесённых приказов. Иногда она проявляется в способности принять неблагоприятный исход и не позволить ему превратиться в поражение всего государства.

В те же дни всё настойчивее поднимался другой вопрос — вопрос о замужестве царицы.

Сначала он возникал в разговорах между советниками, затем стал звучать на официальных встречах. Тамара должна была иметь супруга, утверждали вельможи. Царству требовался наследник. Армии нужен был военачальник, который мог бы вести войско в поход. А престолу — мужчина, чьё присутствие, по мнению многих придворных, сделало бы правление женщины более приемлемым для знати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.